
Наталия ЕЛИЗАРОВА

* * *

Прощаться на крыльце с последним солнцем в кронах
И осени встречать озябшие плоды.
А птицы средь ветвей, еще совсем зеленых,
Стрекочут и трещат — поют на все лады.
И листья от меня уносит по дорожке,
Ребенок и щенок бегут за ними вслед.
Мгновения того нет тише и дороже,
И ничего вообще дороже в мире нет.

* * *

Я любила тебя, как ногами уходят в песок,
Утопая сначала стопой, по колено, по пояс.
Не моля пощадить и воды пригубить хоть глоток,
Не стеная, о будущем не беспокоясь.
Я летала, поймет меня тот, кто когда-то крыла
Расправлял и парил над волнующей бездной, ликуя.
Я свободно дышала, я пела, я жадно жила,
А теперь живу тихо и впрок ничего не взыскую.
Я любила тебя. Как волнение рук передать,
Когда дверь открывала тебе, обнимала за шею?!
Не умела тогда прогонять, ненавидеть и лгать,
Ненавидеть и лгать — это я и сейчас не умею.

* * *

И ветер, и стужа, и стон, леденящий жильё.
О, горе чужое, мы в нем непрестанно живем.
Лицо отворотим, нам — мимо смотрящим — насквозь —
Так просто, привычно дается движение вскользь —
И вот, огибая неровности, скрепы, углы,
Мы угли к себе подгребаем и кучку золы,
Что рук не согреет, не даст разгореться костру.
И наша душа застывает в сугробе к утру.

Наталия Елизарова родилась в Кашире (Московская область). По первому образованию юрист. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор двух поэтических сборников. Публикации в журналах «Нева», «Урал», «День и ночь», «Юность» и др. Стихи переведены на несколько европейских языков. Живет в Москве.

* * *

На площадке кто-то варит щи,
 Смысла в этой строчке не ищи,
 Просто дни бессмысленно длинны...
 Это — детство доброе мое,
 Свежая капуста и бульон
 На говядине, потом ее — в блины.
 В фарш добавит бабушка яйцо,
 А одно — из рук и об пол — цок,
 Шепотом: «Безрукая фарья!»
 А потом вздохнет и замолчит...
 (Сколько можно неучей учить,
 Где текут Амударья и Сырдарья.)
 Атласы и карты — целый мир,
 И пусть дважды я летала в Рим,
 А она ни разу не была,
 Значит — за себя и за нее —
 Ту, что гладила мое белье,
 Фартуки стирала добела.
 То, что говорила мне тогда:
 Страны, океаны, города —
 Я теперь воочию смотрю.
 Я стою на улице другой,
 В городе другом и дорогой
 Бабушке «спасибо!» говорю.

* * *

В мире разбилось стекло негромко.
 Бьется, где хрупко. Рвется, где тонко.
 Не запасешься сухой соломкой,
 Ссадин и синяков —
 Не сосчитать. Как крутить педали —
 Помнишь? — думала ты едва ли
 О синяках: только б не догнали!
 Мажем? Без дураков?
 Резво к обрыву вперед слетала,
 Сочно по спицам трава хлестала,
 Ветер в лицо, и дыханья мало,
 Ноги скользят в росе.
 Ты на лету привстаешь с сиденья
 И напрягаешь еще колени.
 «Вот вам, плететесь там еле-еле!»
 Ты одолела всех.
 Что же сидишь на полу босая?
 Вздрагиваешь, если вдруг басами
 Гукает радио: будет саммит,
 Кризис, развал, дефолт.

Страшно тебе? Ни черта не страшно,
А за окном завершают башню,
Да, из стекла и бетона башню —
Яркую, словно торт.
Ну и не плачь! Стеклодув-приятель
Вдруг завернет в переулок кстати,
Вылепит, выдует сей квадратик —
Будет тебе стекло.
Встань и иди, да попутный ветер!
Солнце спит, а не то что светит.
Не забывай, что живешь на свете,
Ждет тебя новый склон!

* * *

А. С.

Верить не верь, но в помощи не откажи,
Голубь души у окна твоего кружит.
Если собака спит, то шалют коты.
Кто же разгонит их, если не ты, не ты.
Веры ростки нещадно серпом секут.
Ангела демоном с легкостью нарекут.
Мудрой собаки устали глядеть глаза.
Мир так неловок, нещаден и полон зал,
Чертовы дети готовы кричать «АТУ!»,
Горечь утраты — катаешь гольш во рту,
Просто молчишь, но так много — тебе сказать.
Не отворачивайся, не отводи глаза.